

Сергей Васильченко

СЕМНАДЦАТЬ

Рассказы

Сергей Васильченко
Семнадцать. Рассказы

«Издательские решения»

Васильченко С.

Семнадцать. Рассказы / С. Васильченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838021-1

В рассказах писателя и человека из Орска Сергея Васильченко причудливо совмещается бытовая, грязный реализм с фантастикой и мистикой. Электронная книга «Семнадцать» — это более 280 тысяч знаков текста, это 17 рассказов, в каждом из которых спрятано что-то интересное и пронзительное, это удивительные истории, происходящие на фоне простых, знакомых многим, провинциальных декораций. Книга «Семнадцать» — сборная солянка лучшего, что было написано автором за семь лет (2011 — 2018).

ISBN 978-5-44-838021-1

© Васильченко С.
© Издательские решения

Содержание

Соло хикки	6
Гном	15
Мультивселенная	20
Соседка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Семнадцать Рассказы

Сергей Васильченко

© Сергей Васильченко, 2019

ISBN 978-5-4483-8021-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОЛО ХИККИ

Я добровольно заточил себя. Здесь, в этой комнате.

И выходить никуда не хочется. Снаружи, *в настоящей жизни*, у меня как-то ничего не получилось. Я не социализировался. Я потерпел много поражений. Я решил, что да и черт с ним! Немного еды, соседский вайфай, сигареты – это все, что мне надо. Весь я в Интернете.

Я не выходил на улицу уже несколько месяцев. Я общаюсь только с отцом и матерью. Да и этого я бы хотел избежать, если бы мог. Но они же меня кормят. И покупают сигареты. Это налагает определенные обязательства. Ненавижу обязательства.

Наверно, разговаривают там между собой, мол, какой наш сын вышел непутевый, debil, но все равно кормят. Если бы не они, я бы сдох. Они меня кормят, но не понимают. И общество не понимает. Конечно, не понимает.

– Иди пройдишь, – много раз говорила мама.

– Да не хочу я туда, мне тошно. Когда я жил как все, я испытал столько боли... А сейчас мне спокойно.

– Ну как же так можно?

– Вот так. Можно.

Я сижу перед компьютером и строчу посты на сайт клуба книголюбов. Или смотрю порнушку. Или читаю. Или смотрю фильмы. Или общаюсь с какими-то неведомыми девушками в соцсети. Все им вру про себя, и мы разговариваем про всякий культур-мультир, про жизнь. Которой у меня, в общем-то, и нет.

Главное условие – девушка на фото должна быть симпатичной. Только это и вдохновляет.

– Ну и просидишь ты здесь свою жизнь вот так. ВСЮ ЖИЗНЬ! Не страшно?

– Нет, не страшно. Жить полной, обычной жизнью – страшнее. Обычная жизнь – это подвиг, на который я не способен. Там страшно, а здесь спокойно.

Просижу и просижу. И что?

Я – настоящий русский хикки. Если бы молодость пришлась на 1980—е, то, возможно, стал бы хиппи. Хикки и хиппи – оригинальная шутка, да? Но молодость пришлась на другие годы. На хаотичное и непонятное время.

Совсем недавно я еще был «нормален». Я учился в педколледже, одно лето даже подрабатывал курьером. А когда получил диплом, сошел с ума. Пришел домой и не вышел обратно. Теперь мое «активное» прошлое – как в тумане. Кажется, это было тысячу лет назад. Мне двадцать один, мой мир – моя комната. И больше мне ничего не надо.

То есть надо, но минусы этого «надо» перевешивают плюсы.

Там, снаружи, интересно. Там есть куча удовольствий. Но опасностей в два, нет, в четыре раза больше. Там страшно, и никакие удовольствия не способны избавить от этого страха. Там царят смерть и рабство.

Если бы я жил в Европе, я бы, может, преуспел в чем-нибудь. А здесь... нефть и варвары, нефть и варвары – увольте.

Пока вы там воюете, я буду в этой комнате. Забытый, но еще живой.

У меня много времени и есть определенная свобода.

Я ложусь спать под утро. И просыпаюсь часов в шесть вечера. Вот такой у меня график. Мне нравится ночь. Ночь тиха, и за окном редки машины. Ночь тиха, отключают фонари, а я сижу и пялюсь в монитор.

Есть ли у меня какие-то планы? План один – просто существовать. И чтобы не было страшно.

Вообще есть еще несколько причин, по которым я выбрал добровольное заточение. К примеру, я просто слишком уж большой индивидуалист по характеру. Мне не суждено при-

житься ни в каком коллективе. Я не способен выполнять долгое время одну и ту же работу. Мне нравится думать. Мне нравится творить, но, чтобы заработать на творчестве деньги, надо опять же много общаться с людьми в реальности. Короче, полная лажа. Всюду преграды, и я не могу ничего заработать.

Боюсь ли я людей? Возможно. Но я отношусь к ним без ненависти. Мне, в общем, все равно, как там живут другие, мне хотелось бы, чтобы не трогали меня.

Да, боязнь и равнодушие – вот какие чувства смешиваются во мне.

Дни идут за днями, месяц за месяцем, а у меня ничего не меняется. Удивительная стабильность, которой, однако, редко кто позавидует. Иногда мне кажется, что и нет ничего за пределами моей комнаты и родительской квартиры. Нет ничего, все миф, все пыль.

Конечно, я очень люблю одиночество. В одиночестве ты сам себе бог. Никто тебя не рассматривает пристальным взглядом, не пытается понять, чего же ты стоишь. Я ничего не стою, я сам по себе. Я в другой системе координат. Можете идти и жить дальше своей интересной, увлекательной, счастливой жизнью.

И если однажды все ваше счастье разрушится, не говорите, что я не предупреждал.

Конечно, все-таки общение нужно. По Интернету. Это идеальное общение. Говоришь о чем хочешь, что хочешь. Никто тебя не видит, не знает, какой ты НА САМОМ ДЕЛЕ.

Я люблю общаться с девушками, которые много читают. Потому что я сам тоже фанат художественных книжек. Мы начинаем болтать и проникаемся друг к другу симпатией. Мы разговариваем про каких-нибудь буковски и Достоевских и сближаемся.

Вот. Я честно рассказал о себе. Кто-то скажет: «Да он паразит, иждивенец, бездельник, его надо убить!» Не удивлюсь, если кто-то так скажет. А другие люди, вероятно, проникнутся жалостью.

Эх, черт. Думаете, я не хочу быть полезным членом общества? Я хочу, но здесь, в моей стране никто мне не может гарантировать полную безопасность. Если я выйду из комнаты...

Новый день. В смысле я только что проснулся, солнце уже садится, шесть вечера все-таки. Надел шорты. Стук в дверь. Это мама.

– Проснулся?

– Да.

– Сынок, я оставляю есть под дверью.

– Хорошо.

Я открываю дверь и беру поднос. На нем тарелка с картофельным пюре, две сосиски. А еще два кусочка «украинского» хлеба и свежий чай. Нормально.

Затем открываю один из ящиков комода – достаю сигарету и пепельницу. У меня в комнате накурено, я курю прямо в комнате, хотя и не так уж часто.

Но без сигарет я не могу, и родители буквально вынуждены мне их покупать. Зато, кстати, алкоголь я не употребляю вообще.

Бычок аккуратно съезживается на стекле пепельницы. Тухнет, засыпает.

А я открываю свой аккаунт в социальной сети. Я пялюсь на экран и ем, я пялюсь и ем. Вчера я познакомился с чувихой из Алпатъевска. Это городок в трехстах километрах от нас. Я клюнул на географическую близость, хотя, по сути, что это значит? Ничего. Я сижу тут в комнате, так какое мне дело до географии?

Ее зовут Вера. Судя по фотке, она очень-очень привлекательна. Но почему-то фоткает только сама себя. Других фотографий нет.

Мы поприветкались, а потом сошлись на том, что оба очень любим научную фантастику.

Начали обсуждать книжку Филипа Дика «Убик». Есть такой роман, очень хороший. Там так все закручено, такие повороты... Эта книга про иллюзорность реальности. Ты можешь лежать полумертвым в каком-нибудь холодильнике, но думать, что на самом деле ты все еще ходишь по миру, верить реальности, созданной твоим разумом. Или верить в реальность, кото-

рую для тебя на самом деле строит мерзкий тип. И этот тип хочет в итоге сожрать тебя. Ты думаешь, что вокруг тебя все тот же огромный мир. Но на самом деле для тебя нарисовали только одну улицу, один квартал – и больше нет ничего. А для меня нарисовали эту комнату. Или я сам художник? Ха-ха.

Ты в чужом мире, ты в полном полете, ты в глубокой заднице, и спасти может тебя только Убик – этакая квинтэссенция добра от людей-пассионариев, людей-альтруистов, у которых болит сердце за всех.

В общем, я ей это все и написал, особенно надавив на то, что, в первую очередь, это роман про иллюзорность реальности. И, мол, что я тоже думаю, что наша реальность иллюзорна.

Она согласилась. И добавила: мол, там еще есть классная цитата в этом романе: «Я ЖИВ, ЭТО ВЫ ВСЕ УМЕРЛИ».

Точно, я жив, а все остальные умерли.

А еще Вера сказала, что очень боится выходить на улицу. И поэтому уже несколько месяцев почти постоянно сидит дома.

– И у тебя нет ни друзей, ни подруг, ни парня?

– Нет.

И тут я понял, что она такой же псих, как и я. Становилось понятным, почему есть только фотки, сделанные самостоятельно.

– Ты, такая красивая, такая молодая, заперла себя в четырех стенах?

– Да. И не вижу в этом ничего плохого. А там однажды меня чуть не изнасиловали. Молодой человек, с которым я дружила, которого называла «своим парнем». Один раз он набухался и стал просто зверем. Это было на заброшенной стройке. Никогда не забуду эти его спустившиеся штаны, этот его нелепый...

«Оу, какая откровенность»

– Ты так откровенно все рассказала.

– Все это дела прошлого. Короче, после этого случая я очень закрылась. Стала все реже видется с подружками, реже, реже, реже...

– Знаешь, кто такие хикки?

– Да, это в Японии так называют молодых людей, которые добровольно изолируют себя от общества.

– Мы хикки.

– Да, только в нашей стране это в два раза больней, чем в Японии.

– Наверное.

– А сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– А мне девятнадцать, – соврал я почему-то. Сам не знаю, почему. Типа не хочу чувствовать себя слишком старым.

В общем, мы с Верой начали активно переписываться. Каждый день. Сначала за книги, потом за жизнь. Она сказала, что ей со мной легко, она чувствует во мне родную душу и совсем не стесняется говорить о самых откровенных вещах.

Мне это льстило.

Я разглядывал ее фотки и облизывался. Если бы был телепорт, если б она хотя бы на два часа переместилась сюда из своего Алпатьевска...

Я писал ей, что мне не нравится то, что происходит. Что корпоративная машина пожирает людей, что работа убивает в них душу. И прочий бред.

От которого я должен был уже, повзрослев, давно избавиться. Но не сложилось.

Она соглашалась.

Мы кидали на стенки друг другу различные рок-н-рольные песни. «ПТВП» и Земфира, «Эксплойтед» и «Нирвана». И прочее, прочее, прочее...

Особо волнительным было наше первое общение по скайпу. Я по этому случаю помылся, почистил зубы, причесался, надел чистенькую майку.

Она была прекрасна. Мелированные волнистые черно-белые волосы, ослепительная улыбка, она часто улыбалась для человека-отшельника (а я так часто угрюм). Милая худенькая фигурка. Глаза необычного серого цвета. На ней была белая обтягивающая майка с изображением Эрика Картмана. Да что мне надо?! Она была красива, и это было замечательно.

Конечно, в ответ я поведал ей свою скромную биографию. О том, что всю жизнь себя чувствовал отличным от остальных. С самой школы. Меня не привлекали обычные вещи – машинки, драки, оружие... О том, как поступил в колледж, как подрабатывал летом и как однажды сошел с ума, пришел домой и больше никуда не выходил.

Через месяц я уже много знал о ее жизни. О том, что было до того, как она заключила себя в комнату. Не пошла учиться в вуз и все такое. И что было после этого. И что есть сейчас.

Мы сблизались. Когда ты одинок и у тебя есть некий брат по разуму в мониторе компьютера, можно зайти очень далеко.

Впрочем, масла в огонь подливало то обстоятельство, что она не «брат», а «сестра». А я, естественно (как бы я ни хотел от этого откреститься, как бы я ни хотел противостоять этому), очень истосковался по женскому телу. И однажды я попросил ее, после разговора по скайпу, сфотографироваться без маечки и без лифчика. Для меня.

Это было рискованно. Это могло закончить все наше общение раз и навсегда. Но она согласилась.

В итоге через час я получил отличное фото топless. От девушки, которая мне очень нравилась. Может, впервые в жизни мне так девушка понравилась.

Да, мне эта фотка нужна была для удовлетворения своей похоти. Я говорю эвфемизмами, но, думаю, все всё поняли.

Стыдно ли мне за это? Конечно стыдно. Но я не Будда, не каменный истукан, я не могу просто сидеть в позе лотоса и медитировать до самой старости. Иногда я даже сожалею, что не могу.

Наши страсти губят нас.

Я не Будда. Но иногда я сравниваю себя с отверженным богом. На одном из форумов я тусуюсь под ником «Отверженный бог». Это имя символичное, я его специально подбирал. Любой хикки, занимающийся творчеством, – отверженный бог. Бог в изгнании. А почему бог? Потому что относительно свободен, потому что сам формирует свою реальность в своем творчестве. И даже может поделиться этим в пространстве Интернета. И каждый художник, писатель, музыкант – бог. Не всегда. Но хотя бы в тот момент, когда он формирует эту самую реальность.

Каким творчеством я занимаюсь? Я рисую в фотошопе. Только начал, конечно, пока получается не ахти, но я стараюсь. Стараюсь и пока не показываю свои работы. Засмеют.

Я уже упоминал, что смотрю порнушку. Раза два в неделю. А куда деваться? Похоть не пропьешь. Жизнь – это лишь добавка к похоти, и похоть не умирает, совершенно правильно заметил писатель Юрий Мамлеев.

Порно – это идеальное фэнтези. Это то, что ты представляешь в своей голове. Девушки в порно нарочито стерильны, доступны, они делают все, они при этом улыбаются и вожделеют. А в жизни тебе ничегошеньки не положено, если ты не суперкрут.

Вчера мы разговаривали с Верой о соллипсизме. Это, конечно, идеалистическая теория. Она гласит: все, что вокруг, придумываем мы сами. Есть только мы, а остальное – наша выдумка. Потому что действительно никак нельзя доказать, будто нечто помимо нас существует.

Эта теория понравилась и мне, и Вере.

– Я тебя придумала.

– А я тебя. Ахахахаха))

А вдруг и правда ничего нет, кроме меня? А я просто плохой придумщик, и поэтому ничего не сложилось?

Да, отличная теория.

Я даже привел Вере аргумент в ее защиту. Теперь мне понятно, почему воспоминания детства (самые ранние) такие мутные-мутные. Мы ведь были тогда еще маленькими и не могли как следует придумать окружающее. Отсюда эта мутность и обрывочность.

А ведь верно, согласилась она.

Вера меня понимает.

И тут я начал думать о том, что стоило бы к ней навеститься в гости. Алпатьевск – всего триста километров отсюда.

– Нет! Нет! НЕТ! – возмущалась другая часть меня. – Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...

– Но Вера...

– ...Надежда, Любовь, бла-бла-бла. Достаточно общения по скайпу.

– Но...

– И как ты это себе представляешь? Ты приедешь к ней – и что дальше? Зачем все портить?

Я и я-2 ожесточенно спорили.

Потом я вроде успокоился, но все равно что-то продолжало меня подтачивать. Я тосковал по ней, я начал впадать в зависимость от нее. Эта любовная зависимость – штука сильная. Она способна сделать человека полным психом.

Я засыпал, а видел во сне ее улыбку. Такой, какой запомнил по скайпу. Когда она нагнула головку и что-то говорила о том, что родители подарили ей на день рождения новый ноутбук. Вспоминал ее движения, ее голос. Вставал, подходил к компьютеру, находил ту фотку топлесс...

Утром я решил посоветоваться с мамой. С отцом были конкретные сложности, он был особенно недоволен, что сын у него такой debil. А мама всепрощающая. И поэтому меня не выгоняют из дома, и поэтому я в тепле и у меня есть компьютер.

Я ей сказал, что хочу отправиться в Алпатьевск.

Она была очень и очень удивлена.

– Ты так давно никуда не хотел выходить... Что случилось?

– Я познакомился с девушкой в Интернете, девушкой своей мечты. Я хочу съездить к ней в Алпатьевск.

– Но это же далеко.

– Да, мне очень страшно, но я постоянно думаю о ней. Мне хочется ее обнять.

– Если честно, я даже рада. Я думала, ты потерял всякий интерес к жизни.

[Она всегда говорила:

– Ты потерял всякий интерес к жизни. Тебе нужно к психологу.

Но я решил не ходить. Все в мозгах можно изменить только самостоятельно. А психологи – шарлатаны. Я так считаю.]

– Нет, мне многое интересно. Например, последний фильм фон Триера. Или... Ну, в общем, много вещей.

– Так когда ты собираешься в Алпатьевск?

– Через неделю. Девушка, к которой я собираюсь, пока еще не знает об этом. Но я ее подготовлю. Я поговорю с ней...

– Как ее зовут?

– Вера.

– Может, потом и на работу устроишься?

«О нет, только не разговоры о работе...»

– Да. Возможно.

Я сказал, что хочу поговорить с ней. Но какие слова будут самыми правильными в данном случае? Я не знал. Может, вообще ничего не получится. Может, она скажет, мол, нет, не приезжай, зачем все портить... Может, она скажет, что в последнее время она стала относиться к мужчинам скептически... Мало ли какие могут быть причины для отказа мне...

Но она подарила мне на 14 февраля милого мишку с сердечком. Виртуального, конечно. До этого мне девушки никогда ничего не дарили.

А я ей писал, что она мой самый близкий человек. А прошло всего-то два месяца с нашего знакомства. Мы созданы друг для друга, да, да, да.

Я сам пожалел чуть позже, что наплел все это маме. У меня богатое воображение, я представил, как я выйду на улицу и отправлюсь в долгое путешествие. И стало **ОЧЕНЬ** страшно. Раньше я читал новости, и, возможно, именно это сделало меня таким, каким сделало. Там ментовский беспредел, там люди расчлениают друг друга, убивают из-за десяти рублей, там воруют, там личность ничего не стоит, там каждый за себя, там все дерутся за лучшее положение в обществе. Там люди замерзают на улицах, а матери бросают новорожденных детей, там тысячи алкоголиков, которые потеряли всякий смысл. Там ад, ад, ад.

Там, за окном.

Я вжался в подушку. Я постарался подумать о чем-то хорошем.

О солнышке, о птичках. Но мозг все равно возвращался к каким-то неприятным вещам. Я включил мультик, и, наконец, спустя час меня отпустило.

Ну ладно, еще не поздно, можно ведь и не ехать.

Так ехать или не ехать? Это противоречие казалось невыносимым. Я всегда был мнительным, каждое решение мне давалось с трудом. Вот поэтому и мучился так.

Ну ладно. Надо поговорить с Верой.

«Вдруг она вообще не захочет видеть тебя, тебя, тупого идиота».

Вот она – снова онлайн. Милая, милая Верочка.

– Привет. Что делаешь?

– Да ничего. Только что цветы поливала.

– Отлично. А какие цветы?

– Бегонии. Фиалки.

– Прекрасно.

– Слушай, Вера. Я подумал. Ведь мы же не так далеко друг от друга живем. В смысле: сел в автобус, и через четыре часа можно оказаться в Алпатьевске.

– Да.

– И...

– Ну?

– Я подумал. А может, я приеду? Мы погуляем. Сходим в парк аттракционов. В какое-нибудь кафе. А потом я поеду домой.

– О, это было бы здорово.

Она согласилась.

Слава богу, она согласилась.

Или: черт, она согласилась.

– Да, у меня есть такой план. Я еще пару деньков подумаю и сообщу тебе. Хорошо?

– Ок.

– Ты читала Харуки Мураками?

– Да. Роман «Кafka на пляже».

– Толстенная такая книга.

– Да-да...

Короче, разговор перетек в ничего не значащее русло.

Но итог положителен. Она будет рада.

Значит, надо ехать. Мне очень сильно хотелось обнять ее, просто обнять. Почувствовать ее. Почувствовать, что она живая, что она настоящая.

Возможно, это повернуло бы мою жизнь к лучшему. Я бы вышел из комнаты, устроился на работу, стал бы сильным и уверенным в себе мужчиной.

«Да! Я могу! Я все могу!» – уверял я себя.

Через три дня я сообщил, что намерен приехать в следующую субботу. До субботы осталось шесть дней. Шесть очень долгих дней.

– В субботу? Отлично! Можно сходить на какой-нибудь фильм, – отреагировала Вера.

Это было бы замечательно. Я думал, что надо почитать что-нибудь вдохновляющее. Мне путешествие представлялось весьма рискованным и опасным мероприятием.

И я посчитал, что лучше всего стоит почитать «Одиссею» Гомера. Ха-ха, дурак.

Да это вообще один из первых образцов литературы, этот тягомотный гекзаметр. Тягомотный, но все равно очаровательный.

Я читал. Одиссей на каждом шагу мог встретить смерть, но всегда выбирался. А как ловко он обманул Циклопа! Он сказал, что он никто. Я тоже никто – и, может, циклоп не пожрет меня. И я доберусь до своей Итаки, ничего не случится со мной.

Наверное, многие уже поняли: я очень боюсь смерти. Нет ничего после нее, нет ничего. И это непередаваемо ужасно. Я танатофоб. Это тоже одна из причин моего заточения.

Я симпатизирую трансгуманистам и имморталистам. Я надеюсь, что человечество в скором времени совершит прорыв в этом направлении науки и медицины, и мы станем жить гораздо дольше.

И, надеюсь, гораздо счастливее.

Я еще много раз спрашивал себя:

– А может, не ехать?

Но то, что Вера так и останется картинкой в мониторе, тоже казалось невыносимым. В итоге я решился.

Собираюсь. На улице – ранняя весна, конец марта. Все повсюду тает.

Я надеваю свою демисезонную куртку. Ботинки, от которых уже отвык, джинсы. Мама дает мне денег. Две тысячи рублей. И на дорогу на маршрутку до автовокзала 14 рублей. Две тысячи рублей я кладу в карман джинсов, 14 рублей – в карман куртки.

Говорю маме:

– Пока.

Отцу пофиг все мои потуги.

Мать отвечает:

– Удачи.

И я иду. Спускаюсь по лестнице подъезда. Грязного, пропитанного мочой подъезда. Выхожу на свежий воздух. Все тает, повсюду растворено обаяние ранней весны.

Здесь хорошо. Если бы только не другие люди. Да, правильно сказал Сартр, ад – это другие.

Я иду по проспекту, за спиной у меня рюкзак, мне встречаются девочки, мальчики, мужчины, женщины, бабушки, дедушки. Так забавно смотреть на всех этих людей, они все такие разные. У каждого из них в голове своя вселенная. И конкретно в нашем городке сосредоточено 300 тысяч таких вселенных. Представляете? Поразительно, если вдуматься.

И вот я иду. Дохожу до остановки. Сажусь в маршрутку – оранжевую, грустную (мне она кажется грустной, такое у нее выражение фар, да и бока у нее грязные). На самое дальнее сиденье. В уголок. Глазами сталкиваюсь с другими. И отвожу взгляд.

«Не сверлите меня».

Я доезжаю до остановки «Площадь Ильича». Именно там у нас автовокзал. Оплачиваю свой проезд. Вылезаю. Пересекаю дорогу. Добредаю до здания вокзала. Становлюсь в очередь к кассе. Залезаю в карман и понимаю, что двух тысяч там нет. И скоро доходит, почему. Карман дырявый. Это какой-то дурной сон. Проверяю еще раз. Там только огромная дыра, во весь карман, а денег нет. Это не воры, это я сам лох. Я так давно не надевал эти джинсы, что забыл об этой дырке.

И две тысячи – тю-тю.

Господи, какой же я недотепа. Я только вышел в мир, а у меня уже кончились деньги. И где-то там ждет Вера. Пока еще ждет Вера.

В этот момент я был близок к помешательству. Ну как так? Ну как же так? Я был настолько возбужден, что если бы кто-нибудь случайно обратился ко мне, я бы толкнул бы его со всей силой. Ударил бы.

Я был возбужден от страха. Ничто так не влияет на человека, как страх.

Я выбежал из автовокзала, я бежал по грязному снегу, по огромным грязным лужам, бежал, бежал, сам не знаю куда. Потом присел на какую-то обшарпанную лавку. Закурил. Сигареты остались, они были в куртке. А вот деньги – увы! Нет денег – нет удовольствий.

Курю. Плачу. Не то чтобы рыдаю. Просто глаза немного слезятся.

Я вспомнил, что когда-то давно, возможно в *другой* жизни, я был смелым, безбашенным парнем. Я катался автостопом. Я помню, как добраться до Алпатъевска. Надо выйти на трассу, она тут недалеко. Выставить большой палец вверх. И вперед, вперед...

Погодка ухудшилась – пошел дождь со снегом. Я чувствовал осадки пальцами, я чувствовал таяние своими промокшими ботинками.

Через час я стоял на обочине большой дороги. У столба с надписью: «АЛПАТЬЕВСК 298».

Шумно, со свистом мимо этого столба и меня проносились машины. Наверное, те, кто были внутри, думали: «Что этот хлыст здесь делает?» И двигались дальше.

«Я как престарелый Колфилд, – проскользнула мысль. – Старый, замученный Колфилд, Колфилд-переросток».

А спустя пару минут на меня обрушилось понимание, что я проиграл. Окончательно и бесповоротно.

Я отвык от этой реальности, я не мог пересилить себя. Я теперь, в таком состоянии, после долгого затворничества, не мог проехать эти триста километров. Да и что я скажу ей? У меня нет ни рубля. А новую сумму мне мама не даст, я и так иждивенец. Я не имею права на новую сумму. Да и на жизнь, наверное, тоже. Так казалось мне в тот момент. Такие поступки надо было делать в четырнадцать. А сейчас это все безнадежно глупо.

«Прости, Вера, я не верю. Я не верю в себя».

Я стоял на этой трассе и ощущал, как ветер усиливался. Я замерз и спрятал руки в карманы.

Путь обратно к дому был внешне спокойным. А внутри меня, конечно, продолжало гореть отчаяние. Гореть, но уже не так ярко, как некоторое время назад.

Другие смотрят на меня, и что они видят? Идет ссутулившийся пацан, грустный, видать, что-то случилось.

Точнее, *не случилось*.

Я пришел в квартиру, где пробыл большую часть своей жизни. В эти чертовы тридцать три квадратных метра. Маленькая бетонная клетка на шестом этаже.

– Почему вернулся? – спросила мама.

– Дырявый карман. Я потерял деньги и никуда не поеду. Оставьте меня.

Я моментально разделся и прошел в свою комнату. Громко хлопнул дверью. Они не войдут, они знают, что сейчас меня лучше не трогать. Прямо в одежде лег на кровать. И пролежал, уткнувшись лицом в подушку, несколько часов.

Но я не умер и не сошел с ума. Мой мозг продолжал функционировать. Провинциальный городок за окном тоже продолжал функционировать. Я продолжал видеть абстрактные фигуры на обоях. Ноутбук, колонки, книжную полку. Весь остальной скромный антураж.

Я поднялся и сел на свой привычный стул. Открыл аккаунт в соцсети и написал:

– Извини, Вера, я не смог приехать. Нам не стоит больше общаться.

И все. Удалил ее из друзей. Занес в черный список. Мне было бы больно видеть ее даже в мониторе. Видеть любое напоминание о ней, все, что связано с ней. Я разорвал с ней отношения, потому что у меня оказалась кишка тонка. Тонкая кишка – причина всех моих неудач, ха-ха-ха. Кишка, почему ты не могла оказаться потолще?

Я окончательно проиграл. Жизнь потеряла всякий смысл. В этой реальности.

Можете погасить свет.

Да, тушите свет...

Нет, нет, нет, это еще не конец.

Это не единственно возможная реальность. Это просто я так себе все придумал. Маленький неумелый соллипсист. Все можно придумать заново, с чистого листа. Я зажмурил глаза. Крепко-крепко зажмурил. Я бог, говорил я себе. Я бог. Надо только освободить что-то в себе. Надо выйти за пределы иллюзорности. Все просто. Все очень просто...

Через несколько минут глаза мои открылись. И – чудо! – все вокруг меня исчезает, становится нечетким. Исчезала моя комната, исчезал мир за окном. Как исчезает рисунок под давлением карандашного ластика. Невероятного четырехмерного ластика. Мне было не жалко. Я сидел, а формы растворялись, растворялись в ослепительной белизне. Быстро, уверенно. Это я уничтожил мир. Взорвал Вселенную.

В результате осталась только белая пустота. Я сделал несколько шагов. Влево, вправо, вбок. Только я и пустота – ничего больше.

– Вперед, художник, – сказал я сам себе. – Теперь надо заново все раскрасить, надо хорошенько поработать со слоями. И на этот раз получится гораздо лучше. Должно получиться.

Должно.

ГНОМ

Это всё было на самом деле.

Пятница. Февраль. Зашел в пивнушку после работы. Хотелось выпить одну маленькую бутылочку, и потом, конечно, сразу домой. Я был сонным, очень уставшим. Вообще плохо переношу нашу российскую зиму. Следовало родиться где-нибудь на Мальдивах. Что бы я ни делал, зимой мне все время кажется, что я просто сплю. Я во сне. В белом-белом-белом сне.

Я взял пиво и подошел к металлическому столику с серой столешницей. Стульев возле него не было, поэтому я решил пить стоя. Плевать, что в ногах правды нет. Правда вообще непонятно где.

В пивнушке, помимо меня, находились только какой-то парень лет двадцати и странный старик. Очень странный старик. Я назвал его про себя Гномом. Потому что он был одет в дурацкий длинный красный колпак (хотя Новый год и даже старый Новый год уже давно прошли).

Старик был коренастым, низенького роста, у него сильно торчали уши. Ну натурально Гном.

Его лицо было таким старым, таким морщинистым. Казалось, ему лет сто пятьдесят. Одет он был в серые брюки и черную рубашку. Брюки поддерживались забавными синими подтяжками. Странный старик, да.

Я смотрел на него. Залип. Смотрел. Смотрел. Старик будто бы уловил этот настырный взгляд.

Подошел со своим темным пивом вплотную. Я был выше него чуть не на две головы. Он сказал:

– Что так смотришь? – голос был грубым, хрипловатым. – Знаю, неважно выгляжу. Но это неудивительно. Ведь я умер. Девятнадцать лет назад. И это не метафора какая-то красивая. Я действительно умер.

«Поехавший, – решил я. — Поехавший странный старикан».

– Меня похоронили на Первомайском кладбище представители городских служб. Там лежит мой труп. Над могилкой стоит безымянный крест. Я всю жизнь прожил в Энске. В этом маленьком стремном городке. И после смерти я тоже здесь...

Он улыбнулся и обнажил свои желтые зубы. Между ними виднелись большие черные-черные щели. В эти щели, казалось, можно было провалиться. Страшный старый туземец. Он, наверно, уже сто тысяч лет обитает во дворах по соседству. Старый туземец, сошедший с ума. Сейчас начнет клянчить деньги или, может, попросит угостить пивом. Ай, ладно.

Старик продолжал:

– Я знаю этот город наизусть, как стихотворение. Не очень-то красивое стихотворение. Ты видишь одинокого мертвеца, но не удивляйся.

Он говорил неожиданные вещи, и было что-то чарующее в его интонациях и словах. Я решил (то ли в шутку, то ли всерьез) поддержать разговор:

– Умерли, говорите? И как там после смерти?

Молчание.

– Я могу много чего рассказать, – вдруг, спустя примерно две минуты после моего вопроса, молвил он. – Послушаешь?

Теперь мне его стало жалко. Наверно, ему не хватает общения.

– Рассказывайте, – сказал я.

– Да можно на «ты», не обижусь, я человек простой. Я родился в 1950 году. А умер в 1996-м. Короткая жизнь. Школа, музыкальный колледж, армия. После армии устроился в местный оркестр – играть на трубе. Можно посмотреть все документы, был такой в оркестре Василий

Трифонов, это я. Крайний справа на коллективном фото 1974 года. Я все думал, что меня ждет слава большого музыканта. Хотел уехать за этой славой в Москву. Но то одно, то другое. Так и остался здесь. Испугался чего-то. Испугался, что не получится. Так и остался работать в местном Доме культуры. Когда ты молодой музыкант, жизнь кажется слишком легкой и беззаботной. И пусть даже у тебя нет много денег. А как на меня в молодости девки вешались – я был статный, красивый!.. Слишком беззаботно жил. Слишком.

«Ну и что – он мне будет пересказывать свою убогую биографию?» – недовольно подумал я.

– В девяностом году в ДК, с которым я связал свою жизнь, начались серьезные проблемы. Ручеек финансирования пересыхал. Однажды нам, оркестру, сказали: «Денег нет. Уходите». Я ушел, да так и никуда не пришел. Забросил музыку, работал слесарем, сторожем, дворником. Много пил. Жизнь, как говорится, катилась под откос. В итоге к сорока пяти годам я превратился в развалину. Уволился с последней работы, целые дни проводил за распитием самогона в кругу, скажем мягко, сомнительных личностей. Жена пыталась лечить, один раз даже сдала меня в наркологичку.

Я пролежал там три дня, а потом сбежал. И тут же настрелял денег на бутылку пива у прохожих. О, какое вкусное это было пиво! Не то что это, приевшееся...

Он отхлебнул из пластикового стакана. Я тоже немного отпил.

– Один раз в какую-то из лютых зим я сильно перебухал, – продолжал Гном. – И вот начал блевать, держась за зеленую оградку палисадника. Я блевал на этот чистый, холодный, блестящий, ослепительный снег. И думал: «Вот зачем это все? Зачем я? Зачем мир?» Знаешь, смерть и все, что было после нее, не прибавили ясности в этих вопросах.

Я по-прежнему не понимаю, зачем это все. И мне не очень-то сладко. Я устал...

– Ты перепрыгиваешь с темы на тему. Так как ты умер?

– Отравился алкоголем. Одна местная самогонщица делала очень плохой алкоголь. Я выпил его, заснул в лесочке возле автовокзала. В курсе, где это?

– Да.

– А поутру проснулся и увидел рядом... себя. Свой труп. Сам же я стал *бесплотным*. У меня не было ни рук, ни ног, ни головы. Но при этом я был.

– Чушь. Оттуда еще никто не возвращался.

– А я никуда и не уходил. В это трудно поверить, но я действительно превратился в призрак. Когда ты *бесплотен*, ты ощущаешь себя, в принципе, как и прежде, когда ты был живым. Ты ходишь, но у тебя нет ног. Гравитация на самом деле не должна на тебя действовать, но она действует. Это трудно понять. Ты дышишь, но дышать тебе не нужно. И есть, и пить. А трахаться мне и при жизни давно не было нужно. Хотя, конечно, отличия были. Например, меня никто не видел. И я не мог взять ничего руками.

– Ну а почему ты сейчас видим мне? И держишь этот стаканчик...

– Я открыл один секрет примерно через год после смерти. Слушай, ты смотрел фильм «Привидение»? Полузабытый трогательный фильм с Патриком Суэйзи, Деми Мур и Вупи Голдберг.

– Кажется смотрел, – неуверенно ответил я.

– Там один призрак объяснял главному герою, что если сконцентрироваться, собрать всю свою волю в кулак, то можно передвигать предметы.

– Да-да, что-то припоминаю...

– Я тоже однажды, бесцельно бродя по городу, вспомнил этот фильм. И потом, сидя на пригорке, долго пытался напрячь свою волю, чтобы сдвинуть маленький камешек с места. А потом вдруг будто что-то шелкнуло, и я материализовался. Я взял этот камень в руку и со всей дури кинул куда подальше. Как я был счастлив в этот момент! И ведь я мог не только кинуть камень, а много еще чего сделать. У меня было тело! Да, тело старика, но хоть что-то...

Позднее, встав перед какой-то стеклянной витриной, я понял, что похож на гнома.

– Да, я тоже заметил это.

– Тот факт, что у меня есть настоящее тело, приводил меня в восторг. Ведь получается, что я *как будто живой*. Но через минуту я пропал. И опять не смог ничего сделать с лежащими рядом камнями. Потом потихонечку-полегонечку научился контролировать этот процесс. Не терять концентрацию и оставаться во плоти не так-то легко. Меня хватает самое большее на пять-шесть часов. Потом долго приходится восстанавливаться. Как аккумулятору. Нужна долгая зарядка, чтобы вновь стать *плотным*.

Бред становится все цветастей и густей.

– Ну и? – подбодрил я собеседника, который в очередной раз отхлебнул пиво.

– Позднее выяснилась еще одна занятная вещь. Я не могу никуда выйти из этого города. Вообще. Однажды я дошел до таблички, где зачеркнуто слово «Энск», и наткнулся на невидимую стену. И никак не мог пройти дальше. И сколько бы я ни проверял, в этой стене не было бреши. Наш город накрыт невидимым куполом. Куполом специально для меня. Я провел и другой эксперимент. Сел на поезд, который направлялся в Москву. Но как только мы проехали пару километров, меня снова остановила стена. Это было очень странно, ведь через меня проходил пассажирский поезд – шестнадцать вагонов, набитых людьми.

– А если бы ты в это время был *плотным*? Тебя бы раздробило поездом на мелкие кусочки?

– Нет, все иначе. Чем ближе я к стенам купола, тем хуже мои способности по превращению себя в *плотного*. Еще один, так сказать, занятный факт. А непосредственно возле стен эти способности и вовсе пропадают. Там, в поезде, я просто не смог бы стать *плотным*. Таковы законы моего существования.

– А на самолете? На самолете пробовал выбраться отсюда?

– Да, естественно. Все получилось примерно так же, как с поездом. Мы взлетели. А через несколько секунд я уперся в купол. Самолет прошел сквозь меня, а я, *бесплотный*, просто упал вниз.

Больно не было. Когда я бесплотен, я не чувствую физическую боль. Еще одно отличие от того времени, когда был живым. Короче, этот город стал тюрьмой для меня. Я прикован к N-ску. Я как бы дух нашего маленького дерьмового городишки. Этот факт сначала ввергал меня в отчаяние, но со временем я свыкся...

– Но твое положение не так уж ужасно. Можно делать все что угодно. Не надо работать, ты не обременен никакими социальными обязанностями...

– Это только кажется веселым. А на самом деле быть навечно запертым в теле немощного старика маленького роста в этом городе – не очень завидная участь. Возможно, я слишком был привязан к земным делам, не думал о возвышенном, и вот мое наказание. После смерти каждому человеку достается свое. То, что он заслужил. По крайней мере я так думаю. Надо было при жизни искать выход из этой повседневности. А я был глупым...

Кажется, его глаза заблестели, похоже, в них зарождались слезы. После небольшой паузы старик продолжил:

– Советую: пока не поздно, попытайся найти смысл. Смысл жизни, смысл этой вселенной. Попытайся думать не только о материальном. Попытайся думать о чем-то большем, чем просто повседневные дела. Иначе ты будешь целую вечность ходить по одним и тем же улицам и наступать на те же грабли. Целую вечность. А вечность – это как бы смерть наоборот. Те же яйца, только в профиль...

Я не знал, что на это ответить. Глотнул пива и задал новый вопрос:

– Чем ты занимался все эти девятнадцать лет? И почему не пошел к людям, не объявил о себе публично? Тобой бы заинтересовались ученые со всего мира...

– Быть подопытным кроликом? Ну уж нет. Я веду себя относительно тихо, и это мне кажется правильным. Чем я занимался все эти годы? Да много чем. Наблюдал за людьми. Люди удивительны, конечно. Развлекался по-всякому. Я мог украсть из магазина всю выручку, а потом потратить на какую-нибудь ерунду. Но это быстро перестало приносить хоть какое-то удовлетворение. Потом я стал заходить в квартиры к людям и пытался говорить с ними. Помню, проник в обычную малогабаритку в пятиэтажке. Там жила одинокая молодая женщина. Стал *плотным* перед ней, а она подняла крик. Заверещала: «Ты домовый, ты домовый, ты домовый?» Я ответил отрицательно. Она закричала еще громче. Затем выбежала в подъезд и, наверно, от соседней вызвала полицию. Когда полисмены приехали, я, естественно, уже исчез. И они посчитали, что дама перенервничала и немного двинулась. На следующий день я появился в ее квартире во второй раз. Не знаю, что на меня нашло, но я снял свою одежду и начал танцевать. Ее это поразило до глубины души – таких круглых от удивления глаз я никогда не видел. Да, не очень хороший поступок. Не знаю, зачем я это сделал, просто вдруг захотелось. Она снова вызвала полицию, а я снова исчез. Она ошибалась, я не домовый. Я *городовой*.

Старик прервался, чтобы выпить. Выпил и я.

– Был еще один случай, – рассказ продолжался. – Я оказался в хате у одного мужика. Появился прямо перед ним. Он сидел в семейных трусах, смотрел футбол. Увидел меня, возникшего из ниоткуда, из воздуха, и у него челюсть отвисла. Я запомнил его ошалелый взгляд. А потом он решительно встал, взял меня за шкирку, выволок в подъезд и спустил с лестницы. При этом не проронил ни слова. И знаешь, я думаю, он даже никому не рассказывал об этом случае. Он, скорее всего, просто не поверил в его реальность. Многие люди, даже когда сталкиваются с необъяснимым явлением, намеренно не признают его реальность. Ведь другим доказать существование чего-то необъяснимого весьма проблематично. Люди, боясь показаться свихнувшимися, лучше уж убедят себя в том, что им все примерещилось.

– А жена твоя бывшая? Она осведомлена о твоей судьбе?

– Я, конечно, при жизни вел себя как скотина с ней. Мне хотелось только пить, о ней не думал. В итоге она выгнала меня. И правильно сделала. Да, я приходил к ней уже будучи мертвым. Сказал: «Я твой бывший муж». Она ответила: мол, ты же старый-престарый дед, ты не похож на моего мужа. И я действительно не похож. Когда-то я выглядел совсем иначе. Я пытался ей объяснить, что со мной случилось, но она просто не слушала. Послала меня к черту. Ну я и не стал ей докучать. У меня после смерти не может быть жены и не может быть друзей. Мой посмертный удел – одиночество. Видимо, так и было задумано. И вы все умрете, а я так и буду ходить по этим улицам, *плотный* или *бесплотный*...

– Стой, погоди, – я его прервал. – В детстве, когда мне было лет десять, мы с пацанами в летнем лагере вызывали гномика. Этот лагерь находился не здесь, а на югах, в Краснодарском крае. И была у нас там традиция рассказывать страшилки по ночам. А еще – вызывать гномиков. Уж не знаю, делают ли это современные дети... Я помню, что гномика мы вызывали ночью, приманивали его конфетами. А под утро одна девочка, испуганная и заплаканная, выбежала из палаты и сказала, что видела этого самого гномика. Тогда все решили, что у девочки просто богатое воображение. А вдруг девочка не врала и не придумывала? И вообще дети обладают особым взглядом на мир, безумно восприимчивым зрением... Теперь я начал понимать, откуда ноги растут у той детской шалости. Возможно, перед девочкой появился кто-то типа тебя. И до сих пор бродит по Краснодарскому краю. Может, и в других местах планеты есть такие же существа, как ты.

– Но я никогда с ними не свяжусь. Это ничего не меняет в моей судьбе.

Неловкое молчание. Пива у обоих оставалось уже на доньшке. Я посмотрел в глаза моему собеседнику. Тихо произнес:

– Ты хочешь умереть?

– Сейчас скорее да, чем нет.

Ох, как же он грустно и жалко выглядел!

– А если я сейчас вытащу вольту и выстрелю в тебя?

– Возможно, я упаду, из раны польется кровь...

Но я не умру. Снова стану *бесплотным*. Смерти нет, но от этого не легче и не веселей.

– Знаешь, наверное, все-таки не видела та девочка гномика. Сознайся, что ты выдумал свою бредовую историю от первой до последней буквы. Ты просто старик, который от нечего делать рассказывает всякие небылицы про себя.

– Если ты не хочешь во что-то верить, то даже если увидишь это своими глазами...

Но тебе уже не отделаться от меня и от того, что я тебе сказал.

– Я пойду возьму еще пива.

– Иди. Но все же попытайся найти смысл. Попытайся увидеть что-то большее, чем материальный мир.

Я сделал пару шагов по направлению к стойке. Обернулся... И не обнаружил старика-гнома. Он исчез. Как так?

Я вернулся к столику. На нем стояли два безнадежно пустых стакана с подсыхающей пеной по краям. А в противоположном углу пивнушки сидели мужики (они пришли, пока мы беседовали с моим необычным визави). Я поинтересовался, не видели ли они старика, который был тут минуту назад.

– Не видели мы, – откликнулся один из компании.

– Ну я стоял с ним, пил...

– По-моему, ты пил один. И вообще, парень, не канифоль мозги, не мешай нам отдыхать. Как так один? Как так?

Я подошел к стойке. Барменшу завали Светланой. Она жила в доме напротив, я ее неплохо знал.

– Свет, а ты не заметила, сейчас на улице не выходил старик, похожий на гнома, маленького роста и в красном колпаке?

– Не-а.

– Он должен был покупать у тебя пиво.

– Нет, никаких стариков и гномов сегодня не встречала.

Света игриво улыбнулась.

– Да как так? Я же прямо сейчас общался с ним.

– По-моему, ты заработался.

– Да не может быть, чтобы все это мне почудилось!

– У меня одна знакомая есть. Про нее даже газеты местные писали. Она тоже говорила, что видела гнома. Несколько раз. Вызывала полицию, те приезжали и ничего не находили. Они посчитали, что она немножко заболела мозгом.

И она действительно после этого стала не совсем нормальной. Спуталась с какими-то мутными экстрасенсами. С работы даже уволилась. Так что ты поосторожней...

– Нет, я точно уверен, что не сошел с ума.

– Знаешь, может, этот гном просто живет в твоей голове? Тебе надо избавиться от него и жить дальше.

– Долбанный гном! Налей мне еще.

Разговаривать дальше на эту тему показалось бессмысленным. Я выпил еще кружку, а потом вышел на улицу.

«Блин, а ведь гном прав. Со своей жизнью надо что-то делать, – подумалось мне. – Надо найти смысл. И, наверно, я попробую бросить пить...»

Я вдохнул этот бодрящий морозный воздух и зашагал быстрее.

Потом набрал номер мамы и рассказал о случившемся ей. Мама тоже обрадовалась, но при этом заметила, что надо все-таки быть поосторожней. Мол, вдруг это мошенники.

Следующее утро. Как обычно Вася проснулся между шестью и семью утра. Проснулся сам. Дело в том, что Вася вообще не заводил будильника – ни на телефоне, ни где-либо еще. Не заводил, так как считал, что когда выходишь из сна несамостоятельно, весь день идет насмарку, весь день ходишь раздражительный. В связи с этим он старался всегда засыпать в одно и то же время, пораньше.

На нынешней его работе было тяжело и скучно: спецовки, спецтехника, стройка, угрюмые лица. Но сегодня один из напарников заметил, что Вася не сосредоточен на своем деле.

– Хватит думать и считать ворон, меси цемент! – заорал этот напарник. Звали его Андрей.

Андрей, кстати, и сам был склонен к думам. В основном на темы политики и устройства общества. Например, вчера он поделился с Васей некоторыми своими выводами:

– Несправедливость царит кругом. Угнетают нас. А так хочется, чтобы все вольно жили. Чтобы можно было воровать и не таиться. Вот в какую страну хочу.

Вася ничего не ответил. Ему было все равно. А сейчас было вдвойне все равно – ведь он выиграл, ведь у него скоро осуществится мечта. Он объяснил Андрюхе:

– Недолго мне осталось вкалывать тут. Завтра я уже не приду на стройку.

– Это почему?

– Потому что мне теперь это не нужно. Жизнь меняется к лучшему.

– Деньги тебе что ли не нужны? Спить-ся хочешь?

– Не понять тебе. Потому что темный ты человек.

Под конец рабочего дня наш герой сообщил прорабу, что уходит с работы. Тот пообещал рассчитать на следующей неделе. Но сейчас, сообщил он, денег пока нет. И добавил:

– А вообще зря ты это все. Смотри, без штанов останешься.

Распростившись с прорабом, Василий зашел в дешевый бар на соседней улице. Одинокие лимитчики любят бары. Потому что дома никто и не ждет. Бары – для одиноких. В этом баре работала Катя. «Барная нимфа», как называл ее про себя Вася. Да он пил именно в этом баре, только потому, что она там работала. Катенька – простая светлая девушка. Побитая жизнью, но все равно добрая. Была замужем, развелась. Пятилетнего сына воспитывала одна.

Катя приносила ему пиво, так приветливо улыбалась. Он хотел, чтобы она стала его девушкой. И именно о ней он говорил тогда на радио.

Вообще они уже давно были знакомы, и не так уж редко перекидывались приятными фразами друг с другом. Один раз он даже позвал ее к себе в коммуналку, но она сказала, что не может, что после работы надо к сыну. С тех пор он не пытался делать резких шагов в ее сторону. Решил, что у него слишком мало денег и слишком неказистая жизнь для этого. Но сегодня вновь осмелел. И ближе к закрытию предложил:

– Катенька, а пойдём ко мне. У меня сегодня радостное событие.

– Какое?

– У меня скоро будет свое кафе. Серьезно! И я хотел предложить тебе быть со мной. И я хочу, чтобы ты уволилась из этого бара. Ты лучше, чем этот бар. В моем кафе всегда нашлось бы для тебя место.

Рассказал он про радио, про то, что сказал в прямом эфире, что любит ее, про конкурс, про то, как ему позвонили... Катя растрогалась. Потом они выпили, потом все-таки поехали к Васе, и наконец провели ночь вместе.

3

А мечты-то действительно сбываются, с утра констатировал Василий. Катя уже упорнула, ей вновь надо было на смену. Вася остался один. Ему было хорошо от того, что было ночью, и от того, что никуда не надо идти теперь. Больше никаких строек!

Команда радио связалась вновь с нашим героем еще через неделю. На этот раз сообщили, что кафе Васи будет располагаться в бывшем кафе «У Лосося». Он помнил это кафе. Когда учился в технаре, несколько раз водил туда подруг. Водил, а потом неделями жил впроголодь... Дороговато там было.

– Вывеску поменяем, внутри тоже сделаем все в лучшем виде. Будет реальная мульти-вселенная. Уже через месяц ты войдешь в него и обалдеешь.

– А пораньше можно посмотреть?

– Нет, это не соответствует формату нашего шоу. Это должен быть шок. Супермегасюрприз.

– Хорошо, я дождусь. Выбора-то, я так понимаю, у меня нет.

Этот месяц был долгим, этот месяц был месяцем перемен. Вася переехал из коммуналки к Кате на квартиру. Познакомился с ее пятилетним сыном, Вадиком. В принципе они понравились друг другу.

В плане подготовки к легендарной встрече нашего героя со своим кафе тоже было сделано многое. Это касалось не только внутренней отделки «Мультивселенной». Пришлось побегать с документами по всяким инстанциям – переоформить кафе на Васю без его личного присутствия никак не получалось.

Также выяснилось, что у Василия не было хорошего парадного костюма. А выглядеть надо было на церемонии, когда ему отдадут ключи от «Мультивселенной», на все сто.

– Там ведь и телевидение будет, и людей много, – проинформировал голос в трубке. – Поедем завтра за костюмом.

И, действительно, наутро после этого разговора к дому Васи приехали двое молодых людей. Столичные пижоны. С планшетиками и полупрезрительными комментариями по поводу всего, что творится за окнами автомобиля. Основной смысл этих комментариев был таков: это просто дыра, черная дыра, а не город.

Вместе с Васей они отправились в самый большой в «этой дыре» торговый центр. Выбирал Вася недолго, остановился на варианте коричневого цвета. Этот костюм-троечка действительно как-то преображал Васю, делал его более интеллигентным на вид.

В этом же костюме он пришел к Кате на работу. В костюме и с цветами. Она удивилась и обрадовалась. Вася показался ей неким сказочным принцем. У которого скоро наконец-то будет что-то свое. Свое кафе. И они будут жить вместе долго и счастливо.

4

Итак, настал тот самый день – день чествования Васи как одного из победителей шоу «Мечты сбудутся». Это была теплая летняя суббота. Ранним утром Вася и Катя, держась за руки, вышли из подъезда, очень красивые, очень нарядные. Будто молодожены. Сели в специально заказанное для них такси и поехали в бывшее кафе «У Лосося».

В такси Катя поинтересовалась:

– Я у тебя уже как-то спрашивала, но ты мне не ответил. А какие вопросы тебе задавали в той игре?

– Да самые обычные. Что делать? Кто винтоват? Зачем это все?

Пауза.

– Ясно. Забавная игра.

Пауза.

– Ну да.

Подъехали. А там, на площадке возле кафе, уже столпилось много людей. Зеваки, журналисты, полицейские. Оказались тут и некоторые Васины знакомые. В том числе и такие, у которых зимой было снега не допроситься. А теперь они стояли тут, смотрели, восхищались, завидовали.

Автомобиль остановился возле красной ковровой дорожки, ведущей ко входу в кафе. Над входом висела яркая, весьма дорого выглядящая вывеска – слово «Мультивселенная», составленное из больших синих объемных букв.

Парень и девушка вышли из такси. Им заплодировали. И ни он, ни она никогда еще не были так счастливы. Никогда им еще не уделяли столько внимания.

– Слышишь, как нас приветствуют? Мы как номинанты на «Оскар», – шепнул Вася своей спутнице.

Катя улыбнулась в ответ.

Чуть позднее журналисты взяли интервью у победителя шоу.

– Что вы чувствуете?

– Радость, конечно. Я сейчас расплачусь от радости. У меня будет свое кафе! В это трудно поверить! И еще недавно у меня появилась любимая девушка. Я ее действительно люблю, и скоро мы поженимся.

– Вы уже сделали ей предложение?

– Нет, но это лишь вопрос времени...

– Вот тут все удивляются, почему такое название у кафе. Можете объяснить?

– Просто я считаю, что на самом деле мы живем в мультивселенной. То есть существует не только наша вселенная, но бесконечное множество вселенных. Каждое изменение, каждое наше решение создает новую вселенную, где все происходит по другому, альтернативному сценарию. Это, кстати, не бред, об этом многие современные физики говорят. И в каждом из нас пульсируют все эти вселенные, потому что мы, люди, уникальные существа, мы – живые и разумные... Мы обладаем особым измерением – измерением разума.

– Ну что ж, замечательно. А вы уже видели обстановку кафе?

– Пока еще нет. Вот сейчас, кажется, пора заходить. Сейчас мы все узнаем...

Да, ведущий церемонии Паша Безбашенный сделал знак Василию, чтобы тот подходил к красной ленточке перед входом. Пришло время символически перерезать ее.

– А можно я это сделаю вместе с Катей? – спросил Вася ведущего. – И можно в кафе мы войдем вместе с ней?

– Нет, – неожиданно резко возразил ведущий. – Победил ведь ты, а не она. Мы приходим в этот мир одни, уходим одни и ленточку перерезаем тоже одни. Извини, таков порядок.

Сказав это, Паша Безбашенный как-то странно, не совсем по-доброму, улыбнулся.

– Катя, подожди немного, – обратился Вася к своей возлюбленной. – Постой в отдалении.

– Все нормально?

– Да. Просто я должен быть один. Так положено.

Катя, поджав губы, послушалась и отошла в сторону.

Ведущий, с пошловатыми шутками комментируя толпе все происходящее, передал Васе ключи от кафе и большие ножницы. Раздались, как говорится, бурные продолжительные аплодисменты. Вася перерезал ленту. Потом открыл тяжелую входную дверь своего кафе и сделал шаг...

Сзади все еще слышалось, как хлопали люди.

А потом дверь затворилась, и Вася оказался в полной темноте. Внезапно споткнулся об что-то, о какой-то высокий порожек, жестко упал и потерял сознание.

5

Очнулся. Все в том же красивом коричневом костюме. Но в несоответствующем этому костюму месте – на свалке. То, что вокруг была свалка, Вася понял, когда привстал и огляделся. Свалка везде, куда ни взглянешь, до самого горизонта. Свалка на фоне заходящего солнца. Постапокалиптическая картина. Картина из тревожного сна.

Бесконечная куча брошенных, сломанных вещей, и ни одного человека в обозримом пространстве. Не было людей, но было много чаек, вольно парящих, громко кричащих.

«Чайки. Даже когда летают не над морем, а над помойкой, все равно красивые», – подумал Вася. Он где-то слышал, что есть чайки, крик которых похож на человеческий смех. Он где-то слышал, что помоечные чайки – переносчики всякой заразы. И все эти факты в данных обстоятельствах приобретали зловещий оттенок.

Вася решил идти в сторону солнца. Он сам не мог объяснить, почему именно туда, просто решил. И, конечно, его сознание, когда он двинулся в неизведанный путь, занимали не только чайки. Но и в принципе ситуация. Он хотел понять, где он и что с ним произошло.

И еще хотелось вернуться обратно. Туда, где солнце, лето, Катя, апплодисменты, улыбающиеся лица... Вася размышлял:

«Что со мной случилось? Меня ударили по голове и отвезли на свалку? И все это было подставой, розыгрышем, а я повелся. Просто на меня оформили кафе, и теперь там будут вести свои темные делишки. Но почему свалка такая огромная?»

Вскоре появилась и вторая, так сказать, альтернативная версия.

«Я попал в другую вселенную. И, значит, кафе оправдало свое название, куда больше чем я ожидал. Кафе стало порталом в другие миры... Поразительно! Но как это вообще возможно? Не понятно, как это возможно, но это объясняет почему здесь нет людей, почему здесь все так странно. Другие миры ведь могут быть самыми странными».

А следующий поворот реки мыслей нашего героя был уже совсем в другую сторону:

«Надо было журналистам сказать что на самом деле каждый из нас и без всяких научно-фантастических теорий живет во всей мультивселенной. Как пел Виктор Цой, тот, кто в 15 лет убежал из дома, вряд ли поймет того, кто учился в спецшколе. Люди могут жить в одном городе, но в разных вселенных. Люди могут жить, жить, а потом – бац, вторая смена, – оказаться на свалке. И никто из прошлой жизни, из прошлой вселенной не придет и не спасет...»

От последних выводов Васе стало особенно грустно. Он разнервничался, пнул неудачно очутившуюся на его пути куклу. Это была не кукла Барби, это была кукла советского образца, выполненная в советской стилистике, достаточно большая, резиновая... Она смачно отлетела на несколько метров.

Брошенные куклы – это всегда грустно.

«Надо избавиться голову от всего лишнего. Надо подумать о выживании». И первое что нужно достать – это вода, справедливо рассудил наш герой.

Всего полкилометра спустя его взгляд выцепил в окружающем хаосе пластиковую полторалитровую бутылку. Василий подошел поближе. Бутылка была наполнена прозрачной жидкостью, скорее всего, водой. Открыл, понюхал, сделал один осторожный глоток. Да, самая обычная вода – никаких разочарований.

Бутылку Вася, конечно, взял с собой.

«Кукла, полторашика с водой... Значит, и люди должны быть».

6

Данное предположение тоже очень скоро подтвердилось. Сначала Вася заметил маленькую точку вдаль. Потом стало ясно, что точка двигалась по направлению к нему. Еще немного, и точка приобрела человеческие очертания. Это был какой-то мужчина.

Вася чуть ли не побежал, когда это понял. Он хотел побыстрее побеседовать с этим загадочным незнакомцем. Любой встреченный человек в данной ситуации вселял надежду на возвращение обратно. Вася забыл об опасности, он не хотел быть здесь один, хотел с кем-нибудь поговорить. Тем более, что садилось солнце и становилось темней...

Мужчина тоже увидел Васю, стал махать руками, убыстрил шаг. И вот они поравнялись друг с другом.

– Здравствуйтесь, – поздоровался Василий.

– Привет, – откликнулся незнакомец.

Это был бородатый мужчина (Вася сразу прозвал его про себя «бородачом») в черном кожаном плаще лет сорока. Выглядел он в целом нормально, однако ощущалась и какая-то потрепанность в его образе. Видимо, не так мало времени он уже провел на свалке.

– Я здесь заблудился.. – начал разговор Вася.

– И я. Уже второй день брожу, – устало сказал бородач.

– Меня Вася зовут.

– А я Игорь Саныч.

Мужчины пожали друг другу руки.

– И как вы, Игорь Саныч, здесь оказались?

– На «ты» можно. Все свои же. Оказался очень просто. Вышел из дома, надо было в магазин за хлебом. А у нас дом такой интересный, с арочкой. Надо ее пройти, чтобы оказаться на магистральной улице, где как раз находится продуктовый. Короче, когда я прошел через эту арку, у меня резко закружилась голова, потерял равновесие, потом сознание... И все. Когда я открыл глаза, я уже был тут. И, по правде говоря, был шокирован.

В ответ Вася рассказал свою историю, как он очутился здесь. Завершался этот рассказ так:

– Это параллельная вселенная. Я думаю, что это параллельный мир.

– Значит, арочка в моем доме стала тоже неким порталом?

– Да. Конечно, ситуация сложная, но отчаиваться не надо. Если сюда можно войти через некие порталы, то, наверно, можно и выйти.

– Это да. Это согласен.

– Надо их искать. Но здесь все такое одинаковое...

– Да чего нам бояться? Бояться надо не других вселенных, а других людей...

– С этим, конечно, трудно поспорить...

Пауза.

– Так в какую сторону пойдём? – спросил Игорь.

Вася задумался. Потом выставил правую руку вперед (в такой позе он был похож на памятник Ленина) и сообщил:

– Предлагаю пойти туда.

– Туда?

– Да, туда.

– А может...

Вася не стал слушать. Он сделал несколько решительных шагов в выбранном направлении. Он хотел утвердить себя в качестве лидера, хотел быть ведущим, а не ведомым. Игорь остался где-то за спиной.

– Подожди, не спеши ты так, – сказал он.

– Почему это? – Вася обернулся.

«Бородач» уже стоял вплотную к нему. И в его правой руке блестел длинный нож. В следующее мгновение злодей пырнул им Васю несколько раз. Это было очень быстро, очень неожиданно.

Вася почувствовал непередаваемую боль где-то в брюшной полости, согнулся, схватился за живот, за разодранный жилет и белую рубаху под ним. Пальцы залила липкая кровь... Герой упал, и из последних сил исторгнул из себя что-то среднее между криком и хрипом:

– За что? За чтоooooооо?

– Привет тебе от радио «Иллюзия свободы», самого влиятельного радио во всей мульти-вселенной и лично от его директора Автора Всемогущего, – спокойно вымолвил убийца.

Передав этот жуткий привет, он, несколько мешкая, как бы сомневаясь, развернулся и стал удаляться прочь.

В этот же момент отовсюду – с неба, из-под земли, слева, справа – послышалась музыка. Будто понаставили гигантских божественных колонок и усилителей, подсоединили их, и теперь они зазвучали. Музыка была знакома Вase – это была заставка радио «Иллюзия свободы», он ее слышал много раз в своей коммуналке. И эта музыка буквально разрывала на части его сознание.

Эта музыка стала саундтреком к его кончине в этой вселенной.

Соседка

Перед вами, собственно, никто. Молодой человек, возраст – двадцать один год, чей-то сын, внук, по статусу – студент. По характеру апатичный и довольно замкнутый. Бессмысленная информация. В свободное время играю в компьютерные игры. Это типа хобби.

Впрочем, есть еще одно «хобби». Появилось в последние месяцы. Короче, я подсел на алкоголь. На алкоголь в одиночестве. Кто-то из знаменитостей говорил, что надо как можно позже начинать пить в одиночестве. А я такой молодой – и уже... Меня это расслабляет, и мне не надо никакой компании, я без людей себя хорошо чувствую.

А однажды реальность открылась мне с неожиданной стороны. Возле нашего дома есть магазин MAGNIT. Это один из типичных сетевых магазинов самообслуживания. Узнаваемая форма у продавщиц, узнаваемый дизайн логотипа, узнаваемые ценники. Еще в начале осени (а сейчас глубокая зима) я увидел там очень красивую девушку. Как это объяснить? Можно рассказать, какая у нее фигура, волосы, глаза, во что она была одета, но это ничего не даст. Она просто хрупкий ангел, не знаю, как еще ее обозначить. Я просто на нее запал, она запала мне в душу. Увидел ее, когда ходил за хлебом. А она стояла в очереди впереди меня, у нее в корзинке лежали коробка яблочного сока, фрукты, пакет риса, шоколад...

Через три дня встретился с ней снова. И еще через два дня опять. Я заметил, что она появлялась примерно в семь вечера, и тоже старался прийти в это время. Полюбоваться. Мне нравилось наблюдать за ней. Я вожделел ее и в то же время боялся. Боялся, как боятся стихии. Цунами или извержения вулкана. Имени ее, конечно, не знал.

В один из дней я проследил за ней. Хотел узнать, где она живет. Оказалось, что в нашем же доме, что она моя соседка из четвертого подъезда. Между нами всего три подъезда. Наверно, недавно переехала. Вот это новость!

Потом я увидел ее с мужчиной. Они выходили из подъезда вместе, держались за руки. Это был такой толстый лысый бугай. С толстой золотой цепью на шее. Они вместе сели в серый джип. Сели и уехали. Это видение меня не обрадовало. Возможно, они уже даже женаты. Возможно, у них есть ребенок. Моя ладонь сжалась в кулак, когда я об этом подумал. Он такой здоровый, этот парень, а она такая хрупкая... Она не создана для него... Почему она с ним? Из-за денег или из-за чего?

Я живу одиноко, мало с кем общаюсь. И потому быстро втянулся в процесс наблюдения за волшебной соседкой, втянулся, как в интересную игру. Я придумывал, чем она занимается в жизни, какой у нее голос, как она развлекается, как проводит выходные и праздники...

Но однажды игре пришел конец. Я, как обычно, пришел к магазину MAGNIT в семь вечера. Был в плохом настроении. Поэтому хотелось не только увидеть ее, но и купить что-нибудь алкогольное. Разбавить серые будни алкоголем, ага. Дождался – она вошла внутрь. Я за ней. Стою, значит, в отделе горячительных напитков, искоса поглядываю на нее (она от меня в двух метрах буквально). Денег не очень много, а хочется выпить вусмерть. Идеальный вариант в таком случае – портвейн и дешевая кола. «Портвейн 777» – крепкий и противный вкус, имеющий мало что общего с настоящим португальским вином.

Я поглядываю на нее искоса, очень волнуюсь. Чтобы не выдать это волнение, беру бутылку с полки, пытаюсь читать, что написано на этикетке. Пытаюсь найти строчку про градусы крепости. На самом деле я знаю эти градусы наизусть.

И тут она, моя тайная пассия, резко поворачивается и подходит ко мне:

– Молодой человек, можно пройти?

Она сама обратилась ко мне. Я не ожидал такого поворота событий и был сражен этой неожиданностью. Я был не в форме, небрит и не спал прошлой ночью, а тут она... Я потря-

сен. Бутылка выскользнула у меня из рук и с неприятным звуком лопнувшей лампочки упала на пол. Я уверен: когда разбивается бутылка с выпивкой, где-то умирает один котенок.

– О черт!

А по полу начала растекаться жидкость неприятного коричневого оттенка. Кое-кто справедливо спрашивает: «Как это вообще можно пить?» Лужа портвейна дотягивается до моих ботинок, а я смотрю на прекрасную незнакомку. В голове ворочается мысль, что лучше бы она была без этой зимней тяжелой одежды, скрывающей линии тела. Я подумал об этом, а потом просто моргнул... И вот она, моя соседка, уже абсолютно нагая. Как я и представлял. Я потрясен еще больше. Ситуация стала умопомрачительно абсурдной. А почему ни посетители, ни продавцы не реагируют на то, что посередине магазина стоит голая девушка? Никому не интересна голая девушка в магазине зимой?

А она спокойно начинает идти вдоль рядов с алкоголем, прочь от меня, прочь от разбитой бутылки.

– Куда ты? Куда ты? – громко кричу я.

Она заворачивает за угол, в хлебный отдел. Я, наконец, смог немного прийти в себя и побежал за ней. Но в хлебном никого не было, она будто бы исчезла. Не «будто бы», а действительно исчезла. Исчезла!

Продавщица в фартуке подходит ко мне сзади:

– Парень, за бутылку придется...

– Вы видели здесь девушку? Голую? Она в хлебном отделе стояла?

– Пьяный, что ли, совсем? За бутылку придется заплатить, понял?

– Понял, но вы не видели?..

– Да не видели никого. Иди к кассе.

Я заплатил по счетам, а уже на улице, на морозе осознал, что денег больше нет. А напиток после произошедшего хотелось пуще прежнего. И еще: куда она пропала? Стою на холодной остановке, решаю, что делать дальше.

Единственный человек, который мог мне хоть как-то помочь, – мой приятель Саша. Я звоню ему в надежде занять немного денег, чтобы все-таки выполнить намеченный план по бухлу. Я звоню Саше, излагаю свою просьбу, обещаю, что отдам деньги через неделю, и он соглашается на мои условия. Говорит:

– Приходи ко мне.

Он живет неподалеку. Я был у него минут через двадцать.

– Собственно, я не только занять у тебя деньги хочу, я хочу рассказать тебе историю, которая произошла со мной только что, – сказал я Саше.

– Давай.

Я рассказал.

– И она исчезла в хлебном отделе? – переспросил он.

– Ну да.

Санек работал в сфере информационных технологий, работал из дома. У него были такие всклокоченные волосы, уже, наверно, даже не причесываемые в принципе. Еще его отличала судорожная жестикуляция. Вообще он походил на Дока из фильма «Назад в будущее». Только Санек был моложе и постоянно курил.

Санек воспринял мою историю с энтузиазмом, с невероятным энтузиазмом.

– Я тебе понимаю, чувак. У меня тоже такое было.

– В смысле?

– Один раз на хоккейном матче...

– Ты ходил на хоккейные матчи? – я удивился. Хоккей совсем не подходил к его характеру.

– Да было дело. В общем, в перерыве я увидел ее. Ее. Она просто была идеальной. Она была самой красивой девушкой в этом городе, я клянусь. И вот я пошел за ней сквозь толпу болельщиков, а потом она вдруг пропала. Хватило буквально мгновения, одного моего моргания. Я метался по всему стадиону, но так и не встретил ее. Я прошел три круга по ледовому дворцу и не нашел красавицу. А знаешь почему?

– Почему?

– Она просто бот.

– Бот?

– Смотри, есть компьютерная игра. А в ней есть боты. То есть это созданные самой игрой персонажи. Персонажи, которые не управляются реальными игроками. И она – бот в твоей игре. Ее не существует по-настоящему. Это кукла. Ты заглянул туда, куда не следует заглядывать. За край игры. Ты увидел ИСЧЕЗНОВЕНИЕ. Я уверен, что она нигде не родилась, не училась, у нее нет паспорта и других документов. У нее нет истории. Есть только функция в игре: появляться в магазине, появляться из четвертого подъезда твоего дома. Появляться специально для тебя.

– Это просто не поддается логике...

– Ты видел ее еще с кем-нибудь?

– С мужиком одним. Лысым. Они вместе выходили из подъезда.

– Возможно, по факту мужик выходил один, но в твоей реальности с ним была еще и она. Это твой личный бот. Поэтому никто ничего не заметил в магазине. Однако есть и боты гораздо более широкого действия. Их видят многие, но это не меняет их природы...

– Нет слов. Отличная мистическая теория!

– Каждый день мы видим множество людей. Но ты уверен, что они действительно существуют? Может, они существуют лишь пока находятся в поле твоего зрения? Пока они не заворачивают, допустим, за угол дома. А там исчезают. Дальше программа для них не прописана, именно так все устроено в компьютерных играх. Ты и сам, как геймер, должен знать.

– То есть какие-то люди реальные, а какие-то не совсем?

– Вот именно, что не совсем. Да! Они из плоти и крови, возможно, их даже можно пощупать. Но они боты. Когда я иду по улице, я всегда спрашиваю себя: интересно, какие прохожие из встречающихся мне реальны, а какие лишь безмозгло населяют пространство этой игры? Но я пока не знаю, как проверить «настоящность». Возможно, боты не умеют читать...

– Я понял. Все мы в матрице, все – мираж. Но это бред.

– Нет, не все мираж. Но эта твоя девушка, соседка, – явно мираж. Все в этом мире очень непросто, и не всегда вещи являются тем, чем кажутся. Я тут недавно вычитал в новостях, что какие-то японские ученые провели исследования, которые могут быть доказательством того, что наша Вселенная – что-то типа трехмерной голограммы, иллюзия. Пространство и время, согласно этой теории, тоже состоит из пикселей, как самая обычная цифровая фотография. Мы все в великой компьютерной игре, братан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.